

выборъ ихъ былъ крайне ограниченный.

II.

Первое извѣстiе въ печати о смерти Гоголя появилось въ *Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиции*, на другой день кончины, въ пятницу 22 февраля, въ официальномъ отдѣлѣ Некрологъ написанъ былъ въ слѣдующихъ выраженiяхъ:

„Наша литература понесла невознаградимую потерю. Вчера же, * въ 8 часовъ утра, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ Москвѣ, на 44 году отъ рожденiя, одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей, обезсмертившiй себя своими дивно-художественными произведенiями,—Николай Васильевичъ Гоголь. Кто не читалъ его произведенiй? Кто не видалъ его *Ревизора*, его *Женитьбы*, его *Пироговъ*? Кто не любовался его „старосвѣтскими помѣщиками“, или кто отъ души не хохоталъ при чтенiи ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никитовичемъ? Кто не удивлялся его затѣливой фантазiи въ фантастическомъ разказѣ *Носъ*, или кто не очаровывался его *Тарасомъ Бульбою*, его *Вiемъ*, его многими и многими очерками, повѣстями, наконецъ, кто не озирался кругомъ при чтенiи этихъ *Мертвыхъ Душъ*, этой чудной поэмы, въ которой все, какъ живое, становится передъ глазами читателя, кто, спрашиваемъ, наконецъ, не читалъ этого писателя, вызвавшего столько толковъ, составившаго своими произведенiями новую эпоху въ нашей литературѣ, повсѣдшаго ее по новому, указанному имъ писателямъ, пути; но предъ лицомъ всеильной смерти всякая земная мысль смолкаетъ...

„На Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ г-на Талызина, въ томъ домѣ, гдѣ скончался Н. В. Гоголь, можете поклониться праху его, того писателя, чье имя неизгладимыми золотыми буквами на вѣчныя времена начертано будетъ рядомъ съ бессмертными именами Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Крылова, Грибоедова, Лермонтова!“

Московскiя Вѣдомости, выходящiя три раза въ недѣлю, могли сообщить своимъ читателямъ печальную вѣсть только въ субботу 23 февраля (№ 24, отдѣлъ: *Внутреннiя извѣстiя. Москва*). Замѣтка начиналась такъ:

„Въ четвергъ, 21 февраля, въ 8 часовъ утра, скончался Николай Васильевичъ Гоголь. Эти простые слова скорбно отзвучатъ во всѣхъ концахъ Русскаго мира. Теперь, передъ тѣломъ отшедшаго въ вѣчность, не измѣрять, а только чувствовать можемъ мы эту великую утрату.“

Въ тотъ же день, 23 февраля, и *Московскiя Губернскiя Вѣдомости* ** съ небольшими сокращенiями перенесли некрологъ изъ *Вѣдомостей Полиции*.

Въ слѣдующихъ двухъ номерахъ *Московскихъ Вѣдомостей* появились небольшiя замѣтки о послѣднихъ минутахъ и похоронахъ Гоголя.

Фельетонъ *Вѣдомостей Полиции*, отъ 27 февраля, № 47, былъ весь посвященъ Гоголю. Первою шла статья графини Е. Растопчиной: *Похороны Гоголя*. Вѣчную память пропѣлъ клиръ отшедшему въ вѣчность, вѣчную память говоритъ Москва великому и благонамѣренному писателю, таланту-исполнцу, свѣтлому и мудрому уму, горячему сердцу патриота. „Вѣчною, громкою признательною памятью доплатить тебѣ потомство наше долгу. Подвигъ твой, еслибъ и долженъ остаться незаконченнымъ,—подвигъ твой полонъ и безсмертенъ.“

Таково вкратцѣ содержанiе прочувствованной статьи, въ концѣ которой авторъ описывалъ похороны.

Фельетонъ заканчивался стихотворенiемъ, однимъ изъ лучшихъ въ числѣ немногихъ написанныхъ на смерть Гоголя.

Вотъ оно:

Пойдемъ къ нему, печальною толпою,
Взглянуть въ лицо въ послѣднiй разъ;
Къ добру, когда-то мощною душою,
Сквозь смѣхъ и слезы, вель онъ насъ...

Оставя толку, за дорогу
Пожолимся у гроба Богу.

Снесемъ его, печальною толпою,
Въ ряды старѣющихъ могилъ,
И кто здословилъ, кто любилъ,
Пусть броситъ братскою рукою

На новоселье горсть землицы,
Все, что теперь мы дать могли.“

III.

Прошло двѣ недѣли. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 13 марта (№ 32) появился писемъ С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева.

„Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти слова?“ такъ начиналъ И. С. Тургеневъ свое *Письмо изъ Петербурга* отъ 24 февраля.

Онъ умеръ,—и мы имѣемъ „горькое право назвать его великимъ, имя котораго означаетъ эпоху въ исторiи нашей литературы“. Но не оцѣнять его, а плакать хочетъ авторъ письма. Оцѣнка—дѣло будущей критики, „которая, должно надѣяться, пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженiя и любви судомъ, которымъ подобные люди судятся—судомъ потомства“.

„Въ день, когда его хоронить Мос-

ква, намъ хочется протянуть ей отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали; мы не могли въ послѣднiй разъ взглянуть на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжалою могилу, въ которую намъ не удалось, подобно Москвичамъ, бросить горсть родимой земли!“

„Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетворенiемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россiи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствiя этого любовного пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ.“

Тургеневъ заканчиваетъ такъ:

„Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія,—все смолкаетъ предъ самою обыкновенною могилою: онъ не заговоритъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ петерiя, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вѣздъ за нами: миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!“

Чтобы объяснить, почему писемъ Тургенева, писанное 24 февраля, появилось въ печати только 13 марта, необходимо сказать, что оно предназначалось для *Московскихъ*, а для *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Но попечитель учебнаго округа запретилъ его печатать въ академической газетѣ. Въ Москвѣ посмотрѣли на писемъ иначе и разрыли его. Тургеневу же, тѣмъ не менѣе, пришлось выси-дѣть мѣсяцъ подъ арестомъ, а потомъ отправиться на жительство въ деревню.

С. Т. Аксакова не было въ Москвѣ, когда умеръ Гоголь, и онъ отозвался изъ деревни, отъ 6 марта, въ *Письмѣ къ друзьямъ Гоголя*.

„Гоголя нѣтъ на свѣтѣ,—писалъ онъ,—Гоголь умеръ... странныя слова, не производящiя обыкновеннаго впечатлѣнiя. Умереть Гоголю вдругъ нельзя: тѣло его предано землѣ, но духъ вошелъ въ нашу жизнь, особенно въ жизнь молодого поколѣнiя. Много, очень много надо времени, чтобы память о Гоголѣ потеряла свѣжесть; забыть, кажется мнѣ, онъ никогда не будетъ. Но Гоголь съесть *Мертвоя Души*... вотъ страшныя слова.*

„Поглобъ много десятилѣтнихъ вдохновенныхъ трудовъ, навсегда исчезли созданные имъ образы“,—шишегъ онъ далѣе,—„я самъ слышалъ четыре, а С. П. Ш. (Шевыревъ) и А. О. (Смирнова), какъ говорятъ, слышали семь главъ. И Уляинка, и Тентетиневъ съ ихъ взаимною любовью, и генералъ Ветрицевъ, и Костанжого, и братья Платоновы, и многіе другіе—все погибли и навсегда.“

Подъ впечатлѣнiемъ смерти Гоголя, Аксаковъ перечиталъ его *Предисловіе* и *Записки* въ *Выборѣхъ мыслей изъ переписки съ друзьями*, и горько раскаивается въ „неумѣренности порицанiй, возбужденнѣйшимъ ими во мнѣ и другіхъ“. „Смерть все измѣнила, все поправила, всею указала настоящее мѣсто и придала настоящее значенiе.“ При жизни его, „могли усомниться въ задушевности, въ правдѣ многихъ словъ его послѣдней книги“. Но теперь можно считать за правду „его смиренiе, чистоту намѣренiй, сердечность чувствованiй и стремленiя къ добру“.

Аксаковъ призываетъ всѣхъ, кто чтитъ память Гоголя, исполнять точно завѣщанное покойнымъ желанiе: „не свѣпшать ни хвалою, ни осужденiемъ его произведенiй въ публичныхъ листкахъ и журналахъ“.

„Не заводите новыя ссоры слѣдуетъ надъ прахомъ Гоголя,—заканчиваетъ Аксаковъ,—а прекратить прѣрѣнія, страстями возбужденныя, несогласiя, и въ этомъ искать утѣшенiя въ нашемъ общемъ великомъ горѣ.“

(Окончанiе слѣдуетъ.)

А. ЗАРАЙСКІЙ.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕЧАТЬ О СМЕРТИ ГОГОЛЯ.

Изд. № 56, 1902

Въ тѣ дни, когда Россiя торжественно вспоминаетъ заслуги своихъ великихъ писателей, я обыкновенно перелистываю фолианты старыхъ нашихъ газетъ и изъ-синя, изъ-желта-сѣрыя страницы старинныхъ журналовъ, и во очію вижу, какъ съ годами выросла русская журналистика, постепенно занимая мѣсто важнаго явленiя общественной и государственной жизни.

Такое впечатлѣнiе выносятся, знакомясь, наприимѣръ, съ газетами и журналами выходившими пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ годъ смерти Гоголя.

Тогда у насъ издавалось до тридцати журналовъ и газетъ, болѣе или менѣе общаго литературнаго характера. Цифра—для того времени почтенная, но въ этотъ счетъ входили табiя, наприимѣръ, ежемѣсячныя изданiя, какъ *Ваза* или *Гирлянда*, музыкальныя *Нувеллесты* и *Музыкальный Свѣтъ*, *Художественный Листокъ*, два изданiя *Кавказскiя Театральныя Пантеоны* и нѣкоторые другіе, еще менѣе распространенныя.

Собственно же органовъ печати, приближавшихся по своему значенiю къ нынѣшнимъ журналамъ и газетамъ, было немного.

Въ Петербургѣ выходили двѣ газеты: *Свердловская Пчела* и *С.-Петербургскiя Вѣдомости*; журналовъ больше: *Современникъ*, *Отечественныя Записки*, *Сынъ Отечества*, *Библиотека для Читателя*, *Пантеонъ*,—въ то время усвоившiй себѣ уже болѣе общелитературную, чѣмъ спеціально-театральную, программу.

Москва была гораздо бѣднѣе. Журналъ издавался въ ней одинъ: *Москвитинъ*, а газетъ три: *Московскiя Вѣдомости*, *Московскiя Губернскiя Вѣдомости* и *Вѣдомости Московской Городской Полиции*. Всѣ эти газеты, кромѣ официальныхъ, имѣли и литературныя отдѣлы. Въ нихъ помѣщались городская хроника, съ самымъ скуднымъ запасомъ свѣдѣнiй, иногда некрологи, историческія и статистическія статьи, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, кромѣ того—иностранныя извѣстiя.

Съ сообщенiемъ злободневныхъ извѣстiй тогда не торопились, да и

* На этомъ же основанiи едва ли можно вѣрить розовымъ мечтамъ высказаннымъ въ *Новомъ Времени*, отъ 28 января с. г. (№ 9304) въ статьѣ „Свой къ своему“ (?). Въ томъ-то и бѣда, что Поляки не свои!

** Какъ ошибочно полагаютъ многіе русскіе публицисты и государственные люди...

*** Объ этихъ совѣтахъ печаталъ въ свое время *Русскiй Вѣстникъ*: Совѣты Мицкевича своему Валленроду.

* Первый некрологъ извѣщалъ о смерти архимандрита Донскаго монастыря, Симеона.

** Прибавленiе къ № 8, часть неофициальной. Редактировалъ *Губернскiя Вѣдомости* тогда В. И. Родиславскiй, извѣстный впоследствии театралъ, учредившiй вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ Общество Драмматическихъ Подписателей.

*** Стихотворенiе подписано Шр... и принадлежало, вѣроятно, перу Шевырева. Редакція сопроводила его примѣчанiемъ: „Мы получили эти стихи въ самый день похоронъ Гоголя... Помѣщаемъ ихъ теперь безъ измѣненiя, какъ выраженiе скорби одного изъ многихъ, кто чувствуетъ великость нашей утраты.“

Замѣтимъ кстати, что Шевыревъ былъ тогда боленъ и не присутствовалъ на похоронахъ Гоголя.